

УДК 327.2

Исследование выполнено в рамках научного проекта РНФ № 20-78-10159 «Феномен стратегической культуры в мировой политике: специфика влияния на политику безопасности (на примере государств Скандинавско-Балтийского региона)»

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЛЬШИ: ВАРИАЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

© 2022 **ЛОШКАРЁВ Иван Дмитриевич***

*Кандидат политических наук
научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России.
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

© 2022 **КУЧУК Андрей Валерьевич****

*Аналитик Лаборатории интеллектуального анализа данных
в области международных отношений ИМИ МГИМО МИД России.
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
**E-mail: kuchuk.a.v@my.mgimo.ru*

Поступила в редакцию 03.03.2022
После доработки 20.04.2022
Принята к публикации 16.05.2022

Аннотация. В статье проанализирована проблема оценки и интерпретации современного международно-политического поведения Польши. Проблема изучена с помощью концепта стратегической культуры государств, который включает в себя убеждения, представления и язык описания собственных действий и действий других государств. В статье выяснено, какие типы стратегической культуры сформировались в Польше, какова степень их востребованности и в чем их расхождения и сходства. Для этого авторы последовательно раскрыли содержание и идейные установки польских концептуальных документов в сфере национальной безопасности и внешней политики. Данное исследование выявило среднесрочные (до пяти лет) основания международно-политического поведения Польши, в том числе, в контексте обострения противоречий в сфере безопасности в Европе.

Ключевые слова: Польша, стратегическая культура, культура форпоста, культура «осажденной крепости», культура ограниченной силовой политики.

DOI: 10.31857/S0201708322040039

EDN: gjhmndo

Данная статья призвана оценить, какие варианты стратегической культуры Польши преобладают в официальном дискурсе – концептуальных документах по вопросам национальной безопасности и внешней политики. Задача состоит не только в том, чтобы выявить преобладающие субкультуры, но и показать, что остается на второстепенных ролях. Выбор официального дискурса не случаен, поскольку обычно он отражает медианные и наиболее распространенные точки зрения и подходы к проблематике национальной безопасности и внешней политики. При этом авторы не отрицают, что в польском обществе представлены разные точки зрения и что даже в сходных по взглядам сообществах существуют значительные разногласия по затронутой проблематике [Лыкошина, 2016; Palczewska, 2021]. В контексте активной роли Польши в событиях на Украине после февраля 2022 г. данный анализ приобретает дополнительную актуальность, поскольку официальная Варшава нередко озвучивает наиболее радикальные предложения по урегулированию конфликта.

Понятие стратегической культуры введено в 1970-е гг. и описывает предпосылки возможных реакций государств на изменение внешней среды. В сходных условиях государства по-разному реагируют на события, процессы и угрозы – причин тому множество (географические, экономические, конъюнктурные). Однако в основе различий в реакциях лежат не только материальные и внешние факторы, но и субъективные и интерсубъективные представления о должном и правильном, о первоочередности целей и допустимости средств для их достижения [Klein, 1991: 7–12]. Данные представления и наиболее устоявшиеся способы их выражения и получили название стратегической культуры.

Данное понятие, в сущности, обозначает «болевого порог» государств, после которого руководство страны неизбежно выберет какие-то силовые варианты поведения. Подобный выбор обусловлен особенностями исторического развития (наличие или отсутствие опыта ведения войн, традиции дипломатии), политико-философскими и даже мистическими идеями, преобладающими среди широких кругов населения и элит [Legro, 1996; Van Evera, 1984]. В целом стратегическая культура относится к уровню ролевой идентичности государств, поскольку задает ориентиры для поведения в отношении других акторов, предопределяет цели и задачи при решении конкретных международно-политических проблем [Wendt, 1999: 227–228]. Она характеризует военно-политическую индивидуальность государств, различия в их реагировании на внешние вызовы и угрозы.

Стратегическая культура – крайне неоднородный феномен. Во-первых, слово «культура» в данном случае не должно обманывать, поскольку, в первую очередь, оно описывает возможные стратегии и предпочтения по поводу стратегий [Gray, 1999: 130]. Во-вторых, как и любая другая культура, она содержит скорее отдельные слои и архетипические модели (субкультуры), а не целостную и непротиворечивую картину действительности (в прошлом, настоящем или будущем). Взаимобогащение различных слоев и/или субкультур в данном случае неизбежно, хотя и ограничено спецификой конкретной политической ситуации. В итоге происходит постепенная кристаллизация субкультур внутри страновой стратегической культуры: конкуренция концептов и представлений оттачивает аргументы, текущие проблемы

стимулируют переосмысление или закрепление тех или иных идейных конструкций [Bloomfield, 2012; Wilson, 2000].

Мы считаем, что в польской стратегической культуре можно выделить как минимум четыре основных разновидности (см. табл.1). Польская государственность прошла через различные этапы истории: от крупнейшей державы, успешно противостоявшей Габсбургам, и малоуправляемой шляхетской республики, которую сравнительно легко разделили соседи, до государства среднего размера, обеспечивающего свою безопасность за счет внешней поддержки.

Таблица 1

Основные типы (субкультуры) стратегической культуры Польши

Типы стратегической культуры	Культура «осажденной крепости»	Ограниченная силовая политика (realpolitik)	Культура нейтралитета	Культура форпоста
Условный основоположник(и)	Анджей Фрыч Моджевский, Роман Дмовский	Галл Аноним	Винцентий Кадлубек	Станислав Сташиц, Юзеф Пилсудский
Степень распространности	слабая	сильная	средняя, но ближе к слабой	сильная
Какие риски и угрозы видит перед собой государство	неосторожность руководителей, моральные аспекты конфликтов	«два врага», опасность остаться в конфликте один на один с более сильным оппонентом	внутренняя слабость как основа неудач	утрата независимости/суверенности
Какие существуют убеждения и дискуссии по разным аспектам безопасности	развитие vs безопасность	региональное лидерство vs подчиненность	политика vs экономика	суверенность vs внутреннее устройство
Как оценивается внешняя среда	опасная	очень опасная	зависит от случая к случаю	очень опасная
Кем Польша выступает по отношению к остальным странам	Польша как рассудительная держава	Польша как образец героизма	Польша как этический образец	Польша как форпост (нередко католицизма)
Что Польша должна внушать соседям?	главное – не внушать опасения	уважение к ее силе	восхищение ее республиканским строем	обоснованные опасения
Основа поведения Польши по отношению к остальным странам	заимствование наиболее прогрессивных управленческих и технологических решений	закрепление добавочного места Польши в регионе	посредничество, выстраивание мостов между конфликтующими сторонами	активная разведка, игра на опережение
Отношение к военным и политическим союзам	Положительная, если такой союз необременителен	положительная – для решения краткосрочных и среднесрочных задач	нейтральное	положительное – если речь идет об отстаивании «высших» ценностей

Заимствование зарубежного опыта и обобщение античного наследия предопределили, что уже в XV–XVI вв. в Речи Посполитой сложилось несколько оригинальных трактовок работ Аристотеля, Цицерона и ряда других философов. Их использовали для обоснования прав отдельных сословий или, наоборот, для укрепления королевской власти [Rzegocki, 2008: 225–227].

Самой древней разновидностью стратегической культуры в Польше, по-видимому, была культура «ограниченной силовой политики», которая отражает амбиции лидеров страны в раннем Средневековье. Условным основоположником этой субкультуры можно считать безымянного придворного хрониста начала XII в., известного как Галл Аноним. Примерно с этого времени в польской стратегической культуре достаточно прочно присутствует идея о необходимости формирования собственного регионального политического проекта, на который Речь Посполитая (и ее современные продолжатели) претендует по праву, как одно из наиболее крупных государств Восточной Европы [Галл Аноним, 1961: 27–28]. Этот региональный проект представляет собой скорее долгосрочную цель, поскольку в тактическом плане данная субкультура тяготеет к гибким и подвижным комбинациям, сменам партнеров и потенциальных противников.

Почти такая же длинная история в Польше у культуры нейтралитета, которая восходит к хронике епископа Кадлубека (XIII в.). Для этой разновидности польской стратегической культуры также характерно осознание внешних угроз, но меры по преодолению их предлагаются другие. Хроника Кадлубека очень многое позаимствовала у римских стоиков и отождествляла нравственные действия с самосохранением, в том числе в вопросах внешней политики. Поэтому культура нейтралитета в Польше подразумевала этическую эталонность государственности, притягивающую соседние народы и скрепляющую связь между ними и Речью Посполитой невоенными способами [Демяновский, 2015; Nowak, 2020: 311–313].

Культура «осажденной крепости» возникла в период усиления Габсбургов в Восточной Европе и стала попыткой продумать способы сдерживания негативных процессов во внешней среде Речи Посполитой. Условным основоположником этого комплекса представлений о роли Польше в мире можно считать мыслителя XVI в. Анджея Фрыча Моджевского. Позднее интерес к этой точке зрения проявил видный идеолог польского национализма Роман Дмовский (1864–1939). В рамках этой субкультуры сделан особый акцент на рассудительности внешнеполитического и военно-политического поведения, предпочтение отдается малым превентивным действиям, а также хаотизации внешней среды для других акторов. Иными словами, вместо выравнивания возможностей с сильными государствами данная субкультура предлагает выравнивать неопределенность для остальных акторов [Nowak, 2020: 330–334; Simlat, 2003].

Наконец культура форпоста возникла в Польше, прежде всего, в условиях обострения угрозы утраты независимости. В эпоху Просвещения глашатаем этой разновидности стратегической культуры был Станислав Сташиц (1755–1826), а во второй Речи Посполитой – многолетний руководитель страны Юзеф Пилсудский (1867–1935). К этому времени Польша не могла ставить откровенно амбициозные цели и сконцентрировалась на повышении издержек при нападении на нее, искала

внешней поддержки для обеспечения собственной безопасности. В этой субкультуре парадоксальным образом переплелись стремление польской элиты сохранить свое государство и необходимость включаться в более масштабные политические проекты, которые подразумевали какую-то форму зависимости от третьих сторон [Kornat, 2017; Nosow, 2000; Pietrzyk-Reeves, 2017].

Безусловно, данные разновидности (субкультуры) стратегической культуры в чистой форме вряд ли существовали. Скорее, эти разновидности переплетались, конкурировали и взаимно обогащались смыслами в ходе многовековой дискуссии. Однако их выделение и последующий анализ позволяют понять, какие ориентиры перед собой видит Польша и какие альтернативные варианты для них существуют, какие способы достижения целей и их приоритетность выстраиваются в польской внешнеполитической деятельности.

Приоритеты польской внешней политики (2012)

Долгое время в Польше не было принято публиковать официальные концепции или стратегии внешней политики, доступные для широкой публики: чаще всего, подобные документы предназначались для внутривластного пользования [Mgóz, 2014]. Начало периода открытых документов в области безопасности и внешней политики положила Оборонная доктрина 1990 г., которая была написана в духе «нового политического мышления» и декларировала отказ от блокового мышления [Minkina, 2011: 623–625].

Первым документом, в котором были системно изложены инструменты и цели Польши во внешней политике, стали «Приоритеты польской внешней политики на 2012–2016 гг.» (март 2012). Подход польского руководства в оценке рисков и ситуации на мировой арене колеблется между установками и объяснительными схемами культур ограниченной силовой политики и нейтралитета. Авторы документа видят в качестве основного вызова для Польши последствия мирового финансового кризиса 2008 г., уменьшение роли Запада на международной арене и неустойчивость мирового порядка. Далее они представляют список ключевых национальных направлений внешней политики: европейская политика, безопасность, региональное сотрудничество, сотрудничество в области развития и поддержка демократии, создание позитивного образа Польши за границей, взаимодействие с соотечественниками за границей (т.н. полонией) и улучшение деятельности дипломатической службы¹.

В «Приоритетах на 2012–2016 гг.» внешняя среда не оценивается как очень опасная, но тем не менее констатируется риск появления «новых угроз» – терроризма, распространения оружия массового поражения, манипулирования поставками энергоносителей. Другой угрозой признаны региональные конфликты, особенно вблизи ЕС. Россия в данном документе является государством, с которым Польша должна выстраивать «прагматические» отношения. И вот тут возникает некоторый диссонанс – прагматизм в отношениях с Россией и оценка внешней среды как не слишком опасной подразумевают разворот к идеям А. Моджевского («осажденная

¹ Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016 [Электронный ресурс]. Р.3–7. URL: <https://www.bbn.gov.pl/download/1/9620/prpol.pdf> (дата обращения: 06.02.2022)

крепость»). Однако «Приоритеты» предписывали Варшаве укреплять свою безопасность в рамках долговременных отношений с НАТО и ЕС, участвуя в эволюции этих надгосударственных структур. То есть даже в условиях отсутствия непосредственных угроз польское руководство в 2012 г. все равно видело необходимость в поиске защиты от них (угроз) на длительный период, что более характерно для стратегических культур ограниченной силовой политики или даже культуры форпоста¹.

В документе зафиксирована определенная иерархия государств: «важные партнеры»/«близкие государства» (ФРГ, Франция, Британия), «стратегические союзники» (США, Швеция, Украина), «страны с общими взглядами» (Вишеградская четверка), «страны с общими вызовами» (Литва, Латвия, Эстония), Россия². Региональное досье в «Приоритетах» четко фиксирует желание официальной Варшавы укреплять Вишеградскую группу и по мере возможности способствовать расширению региона Центрально-Восточной Европы на юг и восток – что опять же отражает установки культуры ограниченной силовой политики.

Таким образом, «Приоритеты польской внешней политики на 2012–2016 гг.» фиксируют в официальном дискурсе по вопросам безопасности и внешней политики, главным образом, установки и представления стратегической культуры ограниченной силовой политики. В вопросах оценки внешней среды документ обращается к идеям и риторике культуры «осажденной крепости», однако практические рекомендации решают совершенно другие проблемы, исходя из основной логики документа. В региональном досье логика положений одной стратегической культуры также выдержана достаточно последовательно, хотя отдельные тезисы можно считать отражением культуры нейтралитета.

Стратегия польской внешней политики (2017)

Иначе выглядит «Стратегия польской внешней политики на 2017–2021 гг.», принятая в 2017 г. Документ начинается со слов о систематической эрозии мирового порядка. Она стала возможной вследствие кризиса западного мира, который спровоцировали многие факторы, но прежде всего, как считают авторы, это «ревизионистская» политика России.

Как следует из Стратегии, внешнеполитическая среда вокруг Польши значительно ухудшилась после начала затяжного конфликта на востоке Украины. Документ утверждает, что защитить Польшу, находящуюся в «невралгической точке на стыке геополитических тектонических плит Западной и Восточной Европы», может только Североатлантический альянс, чья роль ключевого гаранта европейской безопасности подчеркивается неоднократно. Одновременно Стратегия вновь подчеркивает важность демократических преобразований на постсоветском пространстве: на этом треке подтверждено желание Варшавы выступить в роли морального ориентира, как было ранее закреплено в предыдущих «Приоритетах». В разделе «Авторитет» авторы документа прямым текстом говорят, что основой польской внешней политики является политический реализм и стремление решать вопросы в

¹ Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016, pp. 14–16.

² Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016, pp. 15, 17–20.

прагматическом ключе, исходя из национальных интересов¹. В данном случае очевидны маркеры стратегической культуры форпоста, как и в разделах о вызовах и угрозах безопасности Польши. Исключительно негативная оценка действий и намерений России рассматривается в «Стратегии» 2017 г. как достаточное основание для превращения Польши в хаб трансатлантического противодействия политике Москвы и в основной узел долгосрочной военнополитической консолидации в Восточной Европе [Кондратов, 2018].

В Стратегии фактически отсутствует четкое региональное и страновое доось, хотя ряд приоритетных географических направлений все-таки перечислен. Во-первых, почти половина документа так или иначе посвящена восточному и южному флангам НАТО. Во-вторых, порядок перечисления приоритетных стран таков: крупные союзники (США, институты ЕС, важные страны ЕС – ФРГ, Франция), постсоветские государства (Грузия, Украина), соседние государства (Вишеградская группа, страны Прибалтики/Балтии, Румыния, Швеция и Финляндия). Россия фигурирует в документе исключительно как угроза и «деструктивная» сила, которая препятствует распространению европейской модели политического и экономического устройства². При сравнении с «Приоритетами» 2012 г. заметно, что значительно выросло положение США и постсоветского пространства в географической иерархии приоритетов. Более того, в представленной иерархии уменьшилось число уровней: видимо, составители документа попытались противопоставить широкое пространство соседних государств и конструируемую угрозу со стороны России. В этом отчетливо проявляется культура ограниченной силовой политики и стремление избежать повторения ситуаций, когда Польша оставалась один на один с более сильными оппонентами.

Стратегия 2017 г. отражает установки и представления стратегической культуры форпоста, хотя отдельные элементы культуры ограниченной силовой политики все-таки сохраняются.

Стратегии национальной безопасности (2014, 2020)

Стратегия, принятая в 2014 г., отличается определенной эмоциональной сдержанностью. Нельзя сказать, что авторы описывают внешнюю среду как безусловно безопасную, однако угрозы перечислены в самом общем виде; в частности, они говорят о потенциальной дестабилизации в Европе, которая может стать следствием политических и территориальных споров, а также этнических и религиозных противоречий³. В документе эти обстоятельства *могут* приобрести военный характер, хотя реализация такой возможности мало связана с Польшей [Moldovan, 2018].

Согласно документу, в окружении Польши также существует риск развития региональных конфликтов, способных затронуть непосредственно ее. После общего перечисления возможных угроз авторы вскользь упоминают российскую политику

¹ Strategia polskiej polityki zagranicznej 2017–2021, pp. 6–8, 21.

² Strategia polskiej polityki zagranicznej 2017–2021, pp. 6–11.

³ Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbn.gov.pl/pl/prace-biura/publika_cje/6880,Strategia-Bezpieczenstwa-Narodowego-RP.html (дата обращения: 08.02.2022)

«восстановления великодержавности» и конфронтации, приводя в качестве примера конфликт с Украиной. Подобная градация угроз наталкивает на мысль, что правящая партия «Гражданская платформа» в момент принятия стратегии не была склонна рассматривать Польшу как форпост или даже как «осажденную крепость». Конечно, существовали опасения, что ситуация на востоке может угрожать Польше, но они не являлись основной детерминантой в политике безопасности. Авторы вновь заявляют о необходимости укрепления связей с НАТО как основой безопасности в Европе и в Евросоюзе, который представляет собой основу экономико-социального благосостояния Польши. Страны Восточного партнерства также не были забыты: им предлагается сотрудничество и поддержка в сфере демократизации¹. Стратегия, хоть и содержит пассажи о «великодержавии» России, отличается умеренностью и определенным прагматизмом, продолжая тем самым логику «Приоритетов на 2012–2016 гг.».

Общее преобладание представлений и идей стратегической культуры ограниченной силовой политики в тексте Стратегии 2014 г. дополнено отдельными установками культуры нейтралитета. Тезисы о внутреннем самосовершенствовании и преодолении внутренних проблем для реализации региональных амбиций свидетельствуют о внешней сдержанности. Документ предписывал Польше сдерживать укрепление авторитаризма, уделять внимание демографии и здравоохранению, сохранять промышленный потенциал и бороться с коррупцией².

Вполне предсказуемо, что Стратегия 2020 г. содержит совсем иные положения. С самого начала этого документа идет речь о нестабильной международной обстановке, в которой главную опасность для Республики Польша представляет «неоимпериалистическая» политика Российской Федерации³. Как считают авторы, эта политика выражена в «агрессии» против Грузии, в «аннексии» Крыма и действиях на востоке Украины. С точки зрения документа, именно эти действия нарушили основные принципы международного права и подорвали основы европейской системы безопасности. В Стратегии Россия выступает как главный «антагонист», развивающий военный потенциал на западном направлении (регион Балтийского моря и Калининградская область) и использующий кибератаки и средства дезинформации, чтобы ослабить западные страны, внести раскол между государствами-союзниками и восстановить свои позиции в качестве великой державы, обладающей сферами влияния. Из этих заявлений можно сделать следующий вывод: Польша воспринимает окружающую среду как крайне агрессивную, а себя она рассматривает как форпост, причем авторы недвусмысленно дают понять, что Польша – это форпост западных ценностей в широком смысле и форпост на «восточном фланге» НАТО – в узком.

Польские правящие круги, в очередной раз, признавая ключевое значение союза с США и странами ЕС (именно в таком порядке), обращают внимание на риски, истекающие из соперничества США, КНР и России. В столь опасных условиях Поль-

¹ Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2014, pp. 10–12.

² Strategia bezpieczeństwa narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2014, pp. 17–26.

³ Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2020 [Электронный ресурс], pp. 6–7. URL:

https://www.prezydent.pl/gfx/prezydent/userfiles3/files/2020_dokumenty/05_12__strategia_bezpiecz_narod/dokument_pl.pdf (дата обращения: 08.02.2022)

ша должна стремиться обеспечить свою экзистенциальную безопасность, что можно через укрепление связей с НАТО и одновременное усиление двусторонних отношений с США. Согласно документу, ЕС тоже имеет значение, но второстепенное по отношению к США. Странам-соседям на востоке Польша должна помочь освободиться от давления России, рассматривающей страны постсоветского пространства как свою зону влияния. Стоит отметить, что в документе нашли отражение негативные тенденции развития отношений ЕС и США в период президентства Дональда Трампа, о чем авторы говорят с явным сожалением и опасением, поскольку подобное положение дел может быть выгодно России¹. Ввиду этого документ выражает намерение способствовать укреплению евроатлантического единства для противостояния натиску с востока.

Обращает внимание и выбор средств обеспечения национальной безопасности. Помимо стандартных призывов к совершенствованию вооружений и тренировкам личного состава воинских частей в Стратегии сделан акцент на гражданском сопротивлении, развитии территориальной обороны. Вместе с рассуждениями о «гибридных угрозах» данные тезисы свидетельствуют о том, что вызовы и угрозы для Польши больше не получается сдерживать – они во многом приобрели трансграничный и внутренний характер, то есть требуют действий на упреждение².

Стратегия национальной безопасности 2020 г. отбрасывает установки и представления всех традиционных разновидностей стратегических культур, кроме культуры форпоста.

Выводы

Сравнивая несколько стратегий внешней политики и национальной безопасности, нельзя не заметить явного сдвига, произошедшего в соотношении типов стратегической культуры в течение последнего десятилетия. С позиций относительно умеренных, а подчас и довольно прагматичных, польские правящие круги на уровне документов перешли на позиции, с которых они рассматривают свое государство как форпост, на который Россия осуществляет «неоимпериалистический» натиск. По таблице 2 заметно, что с течением времени в концептуальных документах Польши становится меньше плюрализма в идейных установках и стратегических ориентациях. Отчасти это связано с переходом власти в 2015 г. от «Гражданской платформы» к более консервативной партии «Право и справедливость» – но лишь отчасти. Стратегия внешней политики 2017 г. все еще сохраняла преемственность с документами 2012 и 2014 гг. в вопросах экономического развития, диверсификации контактов и международного престижа. Видимо, появление Стратегии национальной безопасности 2020 г. в текущем виде напрямую связано не просто с эскалацией напряженности в отношениях Россия–Запад, но и с отсутствием viable альтернатив для такой эскалации. В среднесрочной перспективе (до пяти лет) практически отсутствует вероятность изменения линии поведения официальной Варшавы, что связано как с внутренней обстановкой (внутрипольский консенсус по

¹ Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej 2020, pp. 8–10.

² Reeves C. Discerning Poland's Contemporary Strategic Culture: An analysis of the 2020 National Security Strategy of the Republic of Poland. Politeja. 2021. T. 18. № 6(75). С. 292–297.

вопросам внешней политики, особенно на восточном направлении), так и с современными внешнеполитическими реалиями.

Таблица 2

Соотношение концептуальных документов и разновидностей польской стратегической культуры

Название документа	Преобладание установок стратегической культуры	Отдельные установки стратегической культуры	Отсутствие установок стратегической культуры
Приоритеты польской внешней политики (2012)	Ограниченная силовая политика	«Осажденная крепость», нейтралитет	Форпост
Стратегия национальной безопасности (2014)	Ограниченная силовая политика, «осажденная крепость»	Нейтралитет	Форпост
Стратегия польской внешней политики (2017)	Форпост	Ограниченная силовая политика	Нейтралитет, «осажденная крепость»
Стратегия национальной безопасности (2020)	Форпост	-	Ограниченная силовая политика, нейтралитет, «осажденная крепость»

Негативная оценка состояния внешней среды ведет к трансформации представлений о допустимых способах ведения дел на международной арене и к более четкой ориентации Варшавы на США. Парадоксально, но опасения по поводу утраты суверенитета в результате угроз и вызовов регионального и глобального характера ведут к одобрению уступок этого суверенитета (размещение иностранной военной инфраструктуры, подчиненность польской повестки безопасности повестке военных блоков). Более того, от дискуссии о дальнейшем неконфронтационном развитии европейских и евроатлантических институтов польские концептуальные документы все больше уходят в сторону обсуждения сравнительно абстрактных ценностных моментов и в направлении дальнейшей секьюритизации «повседневных» социальных отношений. В условиях событий на Украине в 2022 г. данная тенденция имеет все основания стать долгосрочной для ролевых представлений Польши о себе и об окружающей внешней среде, а это, в свою очередь, укрепит стремление официальной Варшавы предлагать радикальные варианты укрепления безопасности в Восточной Европе (в том числе, в форме превентивных акций).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Галл Аноним. (1961) *Хроника и деяния князей, или правителей польских*. М.: Издательство АН СССР. 172 с.

Демяновский Н.А. (2015) Политическое устройство Речи Посполитой глазами публицистов конца XVIII века. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. № 4. С.116–125.

Кондратов А.И. (2018) Стратегия внешней политики Польши до 2021 года. *Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer*. № 6. С.55–65.

Лыкошина Л.С. (2016) Украинский кризис и проблемы европейской безопасности в польском политическом дискурсе / Пархалина Т.Г. (ред.). *Проблемы европейской безопасности*. М: ИНИОН РАН. С.175–191.

Bloomfield A. (2012) Time to move on: Reconceptualizing the strategic culture debate. *Contemporary Security Policy*, Vol. 33, N 3. P.437–461.

Gray C.S. (1999) *Modern Strategy*. Oxford: Oxford University Press. 432 p.

Klein Y. (1991) A theory of strategic culture, *Comparative strategy*. Vol. 10. N 1. P.3–23.

Kornat M. (2017) Realizm polityczny i imponderabilia. Józef Piłsudski i jego pojmowanie polskiej racji stanu na arenie międzynarodowej [Political realism and invisible structures. Józef Piłsudski and his understanding of the Polish raison d'état in the international arena], *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Politologica*. Vol. 17. N 214. P.61–79. (in Polish).

Legro J. W. (1996) Culture and preferences in the international cooperation two-step? *American Political Science Review*. Vol. 90. N 1. P.118–137.

Minkina M. (2011) Evolution of the Perception of Threats to the Security of the Republic of Poland in Polish Strategic Documents, *The Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 24. N 4. P.623–625.

Moldovan A. G. (2018) Poland's National Security Policy in a New Regional Security Environment. Case Study: National Security Strategy of Poland (2014), *Toruńskie Studia Międzynarodowe*. Vol. 1. N 11. P.89–102.

Mróz M. (2016) Nowe możliwości i stare ograniczenia. Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016 w kontekście dziesiątej rocznicy akcesji Polski do Unii Europejskiej [New possibilities and old limitations. Priorities of Polish foreign policy in 2012–2016 in the context of the tenth anniversary of Poland's accession to the European Union], *Dyplomacja i bezpieczeństwo*. N 1 (2). P.19–37. (in Polish).

Nosow B.W. (2000) Stanisław Staszic – ostatnia przestroga dla Polski [Stanisław Staszic – a final warning for Poland], *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej*. N 6. P.239–243. (in Polish).

Nowak A. (2020) Między nieładem a niewolą. Krótka historia myśli politycznej. Biały Kruk, Kraków. P.330–334. (in Polish).

Palczewska M. (2021) The security perception and security policy of Poland, 1989–2017, *Defense & Security Analysis*. Vol. 37. N 1. P.80–95.

Pietrzyk-Reeves Dorota. (2017) "Państwo jako rzecz wspólna (res publica) w renesansowej myśli politycznej." *Wartości polityczne Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Struktury aksjologiczne i granice cywilizacyjne. Tom III*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. P.27–51. (in Polish).

Reeves C. (2021) Discerning Poland's Contemporary Strategic Culture: An analysis of the 2020 National Security Strategy of the Republic of Poland, *Politeja*. Vol. 18. N 6 (75). P.283–305.

Rzegocki A. (2008) *Racja stanu a polska tradycja myślenia o polityce* [The reason of state or the Polish tradition of political thought]. Ośrodek Myśli Politycznej, Kraków. 382 p. (in Polish).

Simlat M. (2003) Teoria polityczna Andrzeja Frycza Modrzewskiego. Próba rekonstrukcji, *Państwo i Społeczeństwo*. N 3. P.99–108. (in Polish).

Van Evera S. (1984) The cult of the offensive and the origins of the First World War, *International security*. Vol. 9. P.58–107.

Wendt A. (1999) *Social theory of international politics*, Cambridge: Cambridge University Press. 429 p.

Wilson R.W. (2000) The Many Voices of Political Culture: Assessing Different Approaches, *World Politics*. Vol. 52. N 2. P.246–273.

Poland's Strategic Culture: Variations and Their Reflection in Official Discourse

The study was carried out within the framework of the scientific project of the Russian Science Foundation No. 20-78-10159 "The Phenomenon of Strategic Culture in World Politics: Specifics of Influence on Security Policy the Example of the States of the Scandinavian-Baltic Region)".

I.D. Loshkariov*

Candidate of Sciences (Politics)

Research Fellow at the Institute of International Studies of MGIMO-University.

76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454.

***E-mail:** *ivan1loshkariov@gmail.com*

A.V. Kuchuk**

Analyst of the Laboratory for Data Mining in the Field of International Relations

at the Institute of International Studies, MGIMO-University.

76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454.

****E-mail:** *kuchuk.a.v@my.mgimo.ru*

Abstract. The article deals with the problem of assessing and interpreting the contemporary international political behavior of Poland. The authors analyze the issue of using the concept of the strategic culture of states, which includes beliefs, ideas and language for describing their own actions and the actions of other states. The article explores what types of strategic culture have been formed in Poland, to what degree they are in demand and what are their differences and similarities. The authors reveal the content and ideological guidelines of the Polish state-level conceptual documents. They include national security strategies and documents on foreign policy priorities. The authors propose four types of strategic culture in Poland. The earliest in Polish history were the culture of the besieged fortress and the culture of neutrality. Later, the culture of limited power politics and the culture of the outpost emerged. The study allows to identify the medium-term foundations of Poland's international political behavior in the light of growing contradictions in the sphere of security in Europe. The main conclusion of the article is that the culture of the outpost is gradually replacing the previous ones.

Key words: Poland, strategic culture, outpost culture, culture of a "besieged fortress", culture of limited power politics.

DOI: 10.31857/S0201708322040039

EDN: gjhmdo

REFERENCES

- Bloomfield A. (2012) Time to move on: Reconceptualizing the strategic culture debate. *Contemporary Security Policy*, Vol. 33, No 3, pp. 437–461.
- Demjanovskij N.A. (2015) Politicheskoe ustrojstvo Rechi Pospolitoj glazami publicistov konca XVIII veka [Political developments of the Rzeczpospolita in the eyes of publicists in XVIII century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija*, No 4, pp. 116–125. (in Russian).
- Gall Anonim. (1961) *Hronika i dejanija knjazej, ili pravitelej pol'skih* [Chronicles of kings or Polish rulers], Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, 172 p. (in Russian).
- Gray C.S. (1999) *Modern Strategy*, Oxford University Press, Oxford, 432 p.

Klein Y. (1991) A theory of strategic culture, *Comparative strategy*, Vol. 10, No 1, pp. 3–23.

Kondratov A.I. (2018) Strategija vneshnej politiki Pol'shi do 2021 goda [Poland's foreign policy strategy until 2021]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'-Observer*, No 6, pp. 55–65. (in Russian).

Kornat M. (2017) Realizm polityczny i imponderabilia. Józef Piłsudski i jego pojmowanie polskiej racji stanu na arenie międzynarodowej [Political realism and invisible structures. Józef Piłsudski and his understanding of the Polish raison d'état in the international arena], *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Politologica*, Vol. 17, No. 214, pp. 61–79. (in Polish).

Legro J. W. (1996) Culture and preferences in the international cooperation two-step? *American Political Science Review*, Vol. 90, No. 1, pp. 118–137.

Lykoshina L.S. (2016) Ukrainskij krizis i problemy evropejskoj bezopasnosti v pol'skom politicheskom diskursie [The Ukrainian Crisis and problems of the European security in the Polish discourse], in Parhalina T.G. (ed.), *Problemy evropejskoj bezopasnosti*, INION RAN, Moscow, pp. 175–191. (in Russian).

Minkina M. (2011) Evolution of the Perception of Threats to the Security of the Republic of Poland in Polish Strategic Documents, *The Journal of Slavic Military Studies*, Vol. 24, No 4, pp. 623–625.

Moldovan A. G. (2018) Poland's National Security Policy in a New Regional Security Environment. Case Study: National Security Strategy of Poland (2014), *Toruńskie Studia Międzynarodowe*, Vol. 1, No 11, pp. 89–102.

Mróz M. (2016) Nowe możliwości i stare ograniczenia. Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016 w kontekście dziesiątej rocznicy akcesji Polski do Unii Europejskiej [New possibilities and old limitations. Priorities of Polish foreign policy in 2012–2016 in the context of the tenth anniversary of Poland's accession to the European Union], *Dyplomacja i bezpieczeństwo*, No 1 (2), pp. 19–37. (in Polish).

Nosow B.W. (2000) Stanisław Staszic – ostatnia przestroga dla Polski [Stanisław Staszic – a final warning for Poland], *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej*, No. 6, pp. 239–243. (in Polish).

Nowak A. (2020) Między nieładem a niewolą. Krótka historia myśli politycznej. Biały Kruk, Kraków, pp. 330–334. (in Polish).

Palczewska M. (2021) The security perception and security policy of Poland, 1989–2017, *Defense & Security Analysis*, Vol. 37, No1, pp. 80–95.

Pietrzyk-Reeves Dorota. (2017) "Państwo jako rzecz wspólna (res publica) w renesansowej myśli politycznej." *Wartości polityczne Rzeczypospolitej Obojga Narodów. Struktury aksjologiczne i granice cywilizacyjne. Tom III*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 27–51. (in Polish).

Reeves C. (2021) Discerning Poland's Contemporary Strategic Culture: An analysis of the 2020 National Security Strategy of the Republic of Poland, *Politeja*, Vol. 18, No 6 (75), pp. 283–305.

Rzegocki A. (2008) *Racja stanu a polska tradycja myślenia o polityce* [The reason of state or the Polish tradition of political thought]. Ośrodek Myśli Politycznej, Kraków, 382 p. (in Polish).

Simlat M. (2003) Teoria polityczna Andrzeja Frycza Modrzewskiego. Próba rekonstrukcji, *Państwo i Społeczeństwo*, No 3, pp. 99–108. (in Polish).

Van Evera S. (1984) The cult of the offensive and the origins of the First World War, *International security*, Vol. 9, pp. 58–107.

Wendt A. (1999) *Social theory of international politics*, Cambridge: Cambridge University Press, 429 p.

Wilson R.W. (2000) The Many Voices of Political Culture: Assessing Different Approaches, *World Politics*, Vol. 52, No. 2, pp. 246–273.